

М. Н. Коннова

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВАХ
ЭКСПЛИКАЦИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Рассматриваются основные способы экспликации категории времени в лексической и грамматической системах английского и русского языков; особое внимание уделяется средствам выражения аксиологических (ценностных) смыслов.

The article focuses upon basic means of the 'time' category explication in the English and Russian lexicon and grammar; special emphasis is laid upon linguistic instantiations of axiological sense.

Ключевые слова: время, язык, грамматика, лексика, концептуальная система, аксиология.

Key words: time, language, grammar, lexicon, conceptual system, axiology.

Категория времени, имеющая характер не только параметричный, но и аксиологический, эвристический, креативный, — всеобщая, коллективная и индивидуальная ценность, вносящая свой вклад в организацию всех других ценностей. Изучение аксиологии времени — одна из актуальных задач современной когнитивной науки [22], предпола-

гающая на начальном этапе комплексное исследование основных средств экспликации темпоральных смыслов в языке.

Лингвистическое время, которое само по себе является не столько временем, сколько выражением осмысления времени говорящими, формирует независимую систему, лишь отчасти связанную со временем, изучаемым физиками, философами, психологами [37]. Неоднородные представления о времени преломляются на отдельных участках естественного языка, отражаясь в языковых категориях, единицах, отношениях [11, с. 139–140]. Исследование времени в его языковой интерпретации осуществляется в современной лингвистике во взаимодополняющих языковых парадигмах — с одной стороны, в анализе временных лексем как элементов языковой картины мира, с другой — в изучении системы категорий, соотносящихся с разными аспектами идеи времени [2, с. 31–32].

Значительными возможностями в выражении временных значений в английском и русском языках обладает темпоральная лексика, в системе которой гиперординантой выступает существительное *time* / *время*.

Анализируя значение лексемы *time* в современном английском языке, В. Иванс указывает на наличие в ее семантической структуре семи различных значений — лексических концептов¹, сосредоточенных вокруг центрального, прототипического значения («Sanctioning Sense») — значения длительности («Duration Sense») [30]².

В семантике русского слова *время*, восходящего к двум темпоральным моделям — линейной и циклической³, заложено, как отмечает

¹ К лексическим концептам, формирующим на синхронном уровне семантическую структуру лексемы *time* в ее буквальном, метонимическом и метафорическом прочтениях, относятся: 1) «момент; срок» («Moment Sense», ср.: *at an appropriate time* / в подходящий момент); 2) «случай, раз» («Instance Sense», ср.: *This time, it was a bit more serious* / На этот раз дело было более серьезным); 3) «событие» («Event Sense», ср.: *The young woman's time [= labour] approached* / букв. Молодой женщине пришло время [= время родов]); 4) «матрица» («Matrix Sense», ср.: *Time, like an ever-rolling stream, / Bears all its sons away* (I. Watts) / Время, как вечно текущий поток, уносит всех своих сынов (И. Уоттс); 5) «деятель» («Agentive Sense», ср.: *Time is the greatest innovator* (F. Bacon) / Время — величайший изобретатель (Ф. Бэкон); 6) «система измерения» («Measurement-system Sense», ср.: *with the start of summer time* / с наступлением летнего времени); 7) «материальная сущность, предмет, товар» («Commodity Sense», ср.: *Time has become a scarce commodity* / Время стало дефицитным товаром) [30, с. 51–69].

² Значение длительности свойственно и прагерманскому слову **tīmon* («время»), в основе которого лежит пространственный корень **tī* («протягивать; простирать») [30, с. 49].

³ По мнению А. Г. Преображенского и М. Фасмера, слово *время* родственно и.е. *vārtma* «колея, рыгвина, дорога, желоб» [21, с. 101; 24, т. 1, с. 361]. Ю. С. Степанов полагает, что по морфологической структуре оно принадлежит к группе слов *бремя, племя, стремя*, содержащих в современном русском языке суффикс *-ен*. С исторической точки зрения это суффикс и.е. **uert-men*, а само слово *время* восходит к **uert-t-*, от и.е. корня слов «вращать, вращаться», и означает «круговорот» [23, с. 123]. Вместе с тем однозначное определение пространственной мотивации слова *время* не представляется возможным. Значение «вращения», «коловращения» «так далеко, что сближение с *вертеть*... является не более как гипотезой, которую трудно доказать» [21, с. 101]. К началу XI в. ни русский (*веремья*), ни церковнославянский (*время*) вариант существительного уже не имели пространственного значения [1, с. 72].

Л. В. Балашова, «представление о двух взаимосвязанных категориях — о бытии кого- или чего-либо во времени ("иметь место во времени") и о длительности или периодичности чего-либо» [1, с. 73]⁴.

Сложная система временных лексем отражает, с одной стороны, физическое, или природное, время как принадлежность внеязыковой действительности (ср.: выражение астрономических понятий лексическими единицами *year / год, day / день, night / ночь, season / время года*); с другой — гражданское, или календарное, время, измеряемое и структурированное посредством десятичной цифровой системы обозначений (ср.: *hour / час, century / столетие, minute / минута, week / неделя*); а также перцептуальное, или психологическое, время, зависящее не только от природных ритмов или измерительных систем, но и от национальной культуры и индивидуального мировосприятия (ср.: *week* «пятнадцатидневная рабочая неделя») [29, с. 189]. Противостоящее объективному и метафизическому образам времени субъективное, личностное время предстает в значительной степени ценностно-маркированным. Оно ощущается и переживается (*жаль времени*) и потому ассоциативно (*осень жизни, весеннее настроение, седая древность*). Отношение к нему меняется с возрастом, зависит от жизненного опыта, внутреннего мира и проявляется в характеристике времени (ср. *трудная пора, радостные минуты, ответственный момент* и др.) [22, с. 80].

Один из ведущих способов образования темпоральной лексики — метонимия, отражающая регулярные связи объективного мира. В русском языке, как отмечает Р. С. Кимов, все существительные темпорального ряда (*минута, день, ночь, неделя, год* и др.) способны к метонимическому расширению сферы референции, которое укладывается в формулу лингвистической универсалии *время — событие* [8, с. 399—400].

Результаты проведенного Т. Анштатт исследования имен-темпорем в английском и славянских языках свидетельствуют о возникновении преобладающего числа базовых обозначений времени из наименований событийных концептов (жатвы, посевной, праздников, погодных условий) [26]. Смежность явления выступала главной опорой большинства номинаций в связи с тем, что для носителя древнего языка важно было не столько содержание семантики слова, сколько ее объем [7, с. 136]. Так, например, английское слово *morning* (др.-англ. *morgen*), родственное лит. *mirgėti* («мерцать»), санскр. *marīci-* («луч света»), указывает на предрассветные сумерки [27, с. 995]. Наименование *утра* в древнерусском языке восходит к слав. **jutro*, родственному, вероятно, прагерманскому **jaukiþō* («запрягание»), либо лит. *aušra* («заря») [24, т. 4, с. 176]. Английское *evening* является

⁴ Сложность и разнообразие системы бытийно-временных значений нашли свое отражение в семантической структуре слова *время* уже в древнерусский период. Л. В. Балашова указывает на наличие у лексемы *время / веремя* следующих значений: 1) «одна из форм существования материи», ср.: *Не възможно убо рече вне же время суть в мире быти*; 2) «период, эпоха», ср.: *Бысть въ времена Константина... мятежъ*; 3) «неопределенный отрезок (промежуток) времени», ср.: *Велико скрушение видя едино от прѣже реченхъ умалитъ время*; 4) «определенный отрезок времени», ср.: *что ся въ которое веремя начать деяти...*; 5) «время года», ср.: *Четерми бо времены кругъ лета венчается*; 6) «возраст», ср.: *старешоуму тебе и времемь и разумьмъ* [1, с. 73].

однокоренным готск. *iftuma* («последующий; позднейший»), *afar* («после») и родственно санскр. корню *apara-* «западный» [27, с. 997]. Лексема *вечер* (слав. *večerъ*), родственная лтш. *vakars* («вечер»), связана чередованием гласных с лит. *ùkanas* («облачный»), *ùknsna* («тьень») [24, т. 1, с. 309].

Метонимический перенос, номинируя явления внешнего, физического мира, может становиться когнитивной основой и для ценностных утверждений с обобщенно-бытийным содержанием, например: «Все настоящее время есть *время трудов*. Вознаграждение получается в жизни будущей» (святитель Гурий, архиепископ Казанский, XVI в.) [5, с. 93]⁵.

В современных английском и русском языках в роли метонимических временных ориентиров выступают преимущественно регулярно повторяющиеся события повседневной жизни: *working time (day) / рабочее время (рабочий день)*, *leisure time / свободное время (досуг)*, *rush hour / час пик*, *day off / выходной день* и др. (ср.: [35, с. 147–148]).

Наряду с метонимией один из главных способов языковой экспликации времени — это метафоры, в которых время получает образное выражение⁶. Основанием всего многообразия темпоральных концептов служат несколько базовых концептуальных метафор, классификации которых различны (ср.: [19, с. 161; 25, с. 65–69; 32, с. 34–39]). В частности, Л. Перез Хернандез предлагает выделять четыре родовые (generic) метафоры (TIME IS SPACE / ВРЕМЯ — ПРОСТРАНСТВО, TIME IS AN OBJECT / ВРЕМЯ — ПРЕДМЕТ, TIME IS A CONTAINER / ВРЕМЯ — ЕМКОСТЬ, TIME IS A FORCE / ВРЕМЯ — СИЛА), каждая из которых включает несколько подтипов (например, метафора TIME IS SPACE / ВРЕМЯ — ПРОСТРАНСТВО объединяет метафоры TIME IS A LOCATION / ВРЕМЯ — МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, TIME IS A PATH / ВРЕМЯ — ПУТЬ, TIME IS AN AREA / ВРЕМЯ — МЕСТНОСТЬ) [34].

Аксиологические смыслы имплицитно присутствуют в когнитивной структуре многих темпоральных метафорических выражений, в частности LIFETIME IS A JOURNEY / ВРЕМЯ ЖИЗНИ — ПУТЬ: «I took it [i.e. charity work] up not as a cross — but as a road full of light God showed me after Serge's death and which years and years before had begun in my soul» / «Я приняла это не как крест, но как путь, полный света, который Господь указал мне после смерти Сергея и который еще многие годы ранее начался в моей душе...» (великая княгиня Елизавета Федоровна Романова, 1909 г.) [13, с. 21].

Наиболее ярко ценностное содержание эксплицируется в метафорах группы TIME IS A GIFT / ВРЕМЯ — ДАР, реализация которых свойственна текстам различной дискурсивной принадлежности (например, паремии: англ. *A moment of time is a moment of mercy* / Мгновение времени — это мгновение милости [33, с. 596]; рус. *Даст Бог день, даст Бог и пищу* [4, т. 1, с. 427]; о метафорах *время — дар* см.: [9]).

В основе ряда концептуальных метафорических схем лежат пространственные понятия: взаимопроникновение областей пространства и времени столь глубоко, что правомерно говорить о них как о частях

⁵ Об аксиологии темпоральных метонимических переносов см.: [10].

⁶ По мысли В. А. Плунгяна, время отличается от обширного класса метафорически интерпретируемых понятий тем, что в обыденной картине мира для него не существует естественного таксономического класса, и метафоры — это едва ли не единственный способ описать его значение [19, с. 160].

единой сферы человеческого опыта [31]⁷. Примером пространственной мотивации временных выражений является, в частности, этимология английских темпоральных предлогов, из которых почти все, имеющие пространственное значение, развивают также временное: *after* (др.-англ. *after* «сзади»; ср.: *aft* «в кормовой части»), *before* (др.-англ. *beforan* «напротив»), *from* (др.-англ. *fram* «дальше»), *henceforth* (др.-англ. *forth* «вперед»), *since* (др.-англ. *sith* «путешествие») [37, с. 210].

Вариативность упорядочивания элементов в пространстве обуславливает различие метафорических схем времени. Из трех геометрических осей — продольной (направление «вперед-назад»), вертикальной («вверх-вниз») и горизонтальной («слева-направо») — продольная ось лучше всего отражает современное ощущение времени в европейских культурах [31, с. 21; 35, с. 152]. На оси времени будущее помещается впереди, а прошлое позади говорящего, ср.: англ. *I look forward to seeing you / С нетерпением жду встречи с вами*, букв. *Смотрю вперед; That was back in 1990 / Это было в 1990 г.*, букв. *Назад в 1990 г.*; рус. *Впереди праздники; Лето осталось позади*.

В концептуализации времени направленность вперед не является единственно возможной. Если в современном русском языке широко распространено линейное представление о времени с «лицевой», «фасадной» системой координат [1, с. 80], то наиболее древние представления о времени, засвидетельствованные русским языком, не были так «эгоцентричны». «Летописцы говорили о *передних* князьях — князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносился с воспринимающим его субъектом. *Задние* события были событиями настоящего или будущего. <...> Такое представление о *переднем* и *заднем* было возможно потому, что время не было ориентировано на воспринимающего это время субъекта. Его мыслили как объективно и независимо существующее» [12, с. 49–50]⁸.

⁷ Экспериментальные данные свидетельствуют о наличии глубоких концептуальных оснований языковой симметрии пространства и времени. В частности, пространственная образность служит основой решения задач, связанных с временными схемами. Так, для ответа на вопрос, какой период длиннее: с октября по февраль или с апреля по ноябрь, информанты мысленно представляли себе круг или линию с расположенными на них месяцами и сравнивали расстояния [36, с. 125].

⁸ Процесс укрепления «фронтальной» модели темпоральной ориентации в русском языке непосредственно связан, по мнению Л.В. Балашовой, «с укреплением системности в средствах выражения определенных типов бытийно-временных значений. Так, в древнерусском языке фактически антонимические значения (“быть в будущем” — “быть в прошлом”...) могли выражаться словами одного словообразовательного гнезда, а иногда и одной и той же лексемой, ср. *Как установили переднии* [прежние] *князи, тако платите дань* (ЛН XIII—XIV, I, 230) — *А в переднии* [предстоящие, будущие] *годы с росолу дань платит старцемь* (КнСол 1552, 352 об.). ...утрата в ходе исторического развития одного из типов антонимических значений укрепляет не только современную когнитивную модель линейного времени с “лицевой” системой координат, но и делает более четкой систему возможных языковых средств выражения этой семантики; тем более что частично этимологически родственные слова и в современном русском языке сохраняют возможность выражать антонимические значения, правда, только в качестве генетических метафор (ср.: *прежний* закрепляется в значении “прошлый”, а *впереди* — “в будущем”») [1, с. 81].

Вертикальные выражения не являются базовыми в семантике отношений последовательности [1 ;25; 37]. В англоязычной картине мира движение по вертикальной линии времени происходит только в одном направлении, сверху вниз, ср.: *down through the ages* / букв. *вниз через века*, но *up through the past* [25]. В этом случае прошлое может осмысляться как находящееся вверху, над настоящим (ср. *These stories have been passed down from generation to generation* / *Эти предания передавались* [букв. *вниз*] *из поколения в поколение*), или внизу, под «поверхностью» настоящего (ср.: *Our family records reach down to 1707* / *Наши семейные мемуары датируются* [букв. *спускаются до, достигают глубины*] 1707 г.) [35, с. 153]. В русском языке, по мысли Г. Е. Крейндилина, вертикальная модель лежит в основе концептуализации идеи возраста, для выражения которой «используются глаголы (*под*)расти... существительные *потолок, зенит...* наречия *свыше* и *сверх*, сочетания типа *с высоты* [*своих лет*], а также предлоги *с, под, за* и *около*» [11, с. 140–141].

Широко распространены в английском и русском языках динамические метафоры времени, в основе которых — две различные, но совместимые и согласующиеся концептуальные модели упорядочивания событий. В первой модели («*moving ego*» metaphor [37]) время уподобляется пространству, по которому движется говорящий (ср. англ. *The choices of different paths wind away // Unto unknowing futures. J. Davies* / *Разные пути извилисто ведут // К неведомому будущему. Дж. Дэвис*; рус. *Смиранный жизни путь цветами устилая, // Живи, мой милый друг, судьбу благословляя А. И. Тургенев*). Во второй модели («*moving time*» metaphor) само время находится в движении и приносит с собой все новые события (ср. англ. *Stay, speedy Time, behold, before thou pass W. Shakespeare* / *Остановись, стремительное время, прежде чем пройдешь, У. Шекспир*; рус. *Бегут счастливы дни, // Бегут, летят стрелой они!* К. Н. Батюшков). Способность воспринимать время как субъективную, относительную категорию отражается, в частности, в сочетаемости лексем-темпорем с маркированными по признаку скорости глаголами движения (англ. *time flies* / *летит, flows* / *течет, passes* / *проходит, goes by* / *минует, creeps* / *крадется, slows* / *медлит*; рус. *время бежит, мчится, тянется, тащится*)⁹.

Время и бытие во времени могут быть описаны не только при помощи «линейной» пространственной лексики. Длительность может ассоциироваться и с определенными объемными параметрами предмета. Объем в таком случае фиксирует четко ограниченный временной цикл, а измерение длительности в пределах этого цикла связано со сте-

⁹ В русском языке наблюдается последовательное увеличение числа глаголов движения, способных развивать бытийно-временное значение, маркированных по признаку скорости. В древнерусский период это значение развивают лишь глаголы нейтральные по признаку скорости; в памятниках XVII–XVIII вв. в значении «быстро проходить (о времени)» фиксируются два глагола — *бежати, летети* (ср.: *Бегущих дней не удержать. — Херасков*); в современном русском языке данная парадигма одна из самых продуктивных [1, с. 82].

пенью его наполненности метафорическим «веществом» времени [1, с. 92], ср.: англ. *in the fullness of the time* / по истечении (долгого) периода времени, букв. в полноту времени, *full-time [job]* / полный рабочий день [28, с. 572–573]; др.-рус. *испълнити* — «наполнить, заполнить что-либо» → «прожить до какого-либо срока, провести какое-либо время» (рус. *Ему исполнилось 30 лет. Годы его исполнились.* — «он уже возмужал» [4, т. 2, с. 55])¹⁰. В современном русском языке высокой частотностью отличаются генетические метафоры-элементы словообразовательного гнезда *большой, меньший*, ср.: *большой срок, уменьшить срок; он пробыл здесь больше, чем предполагал* [1, с. 91–92].

Взаимосвязанные модели времени — статическая и динамическая, линейная и циклическая — отражаются в английском и русском языках в четко организованной системе грамматических времен, разделяющих временной континуум на сегменты (ср.: [6, с. 95; 18]). Сложная система морфологических временных категорий включает темпоральность (внешнее, или синтаксическое, время в предложении, временной дейксис), аспектуальность (внутреннее время действия, внутренняя характеристика протекания и распределения действия во времени), временную локализованность (внешнее положение события на временной оси, задаваемое точным указанием на его время), таксис (внутренняя иерархичность пропозиций внутри предложений) и категорию временного порядка [15, с. 399; 3]. В синтаксисе временные отношения передаются посредством различных структурно-семантических типов сложных предложений с временными отношениями частей; в словообразовании временные компоненты переходят от слова к его производным¹¹ [14, с. 72]; аксиология морфологических категорий представляет собой предмет отдельного специального исследования (подробнее см.: [17]).

Глагол играет особую роль в интерпретации идеи времени: в самой его семантической структуре время реализовано и зафиксировано как категориальный компонент [16, с. 72]. В отдельных глагольных конст-

¹⁰ Общей основой данной модели в английском и русском языках могла послужить когнитивная матрица библейских текстов, где метафоры «объемного» времени регулярно используются для описания возраста или срока, ср.: англ. *Abraham... died in a good old age, an old man, and full of years* (Genesis 25: 8) / ц.-сл. Умре Авраам в старосте добрей, старец *исполнен дний* (Быт. 25: 8). Особый ценностный смысл метафора «полноты времен» приобретает в Новом Завете, ср.: англ. *The time is fulfilled and the kingdom of God is at hand: repent ye, and believe the gospel* (St. Mark 1: 15, cf. Galatians 4: 4; Ephesians 1: 10) / ц.-сл. *Исполнися время и приближися Царствие Божие: покайтесь и веруйте во Евангелие* (Мк. 1: 15; ср. Гал. 4: 4, Еф. 1: 10).

¹¹ Как указывает М. М. Положин, многие пространственные приставки в английском языке выражают различные оттенки темпоральных смыслов, возникших с развитием абстрагирующей деятельности человеческого мышления. Так, префиксы *ante-, arch-, by-, ex-, fore-, pre-, pro-, proto-, retro, semi-, super-* содержат значение предшествования; семантика конца присуща префиксам *be-, de-, ex-, in-, out-, over-, pre-, up-*; значение повторности передается префиксами *after-, ana-, over-, re-*, значение последовательности — *after-, cis-, epi-, meta-, post-, sub-*; одновременности — *co-* [20, с. 182].

рукциях могут быть зафиксированы и метафорические модели времени. Так, пространственно-временная ориентация метафоры подвижного наблюдателя («moving ego» metaphor) проявляется в использовании глагола *to go* как вспомогательного при описании ближайшего будущего. Как показали исследования Т. Гивона, при выражении видо-временных отношений аналоги глагола *to come* («приходить») в английском, французском, испанском, палестинском арабском, еврейском языках употребляются преимущественно в прошедшем времени (ср.: фр. *Je viens de faire* / Я только что сделал – букв. пришел), тогда как аналоги глагола *to go* («идти») – в будущем (ср.: *I am going to do it* / Я собираюсь это сделать, букв. иду). Т. Гивон полагает, что глагол *to come* используется из-за имплицитной связи с источником, выраженной предлогом *from* («из, от»), тогда как *to go* включает связь с целью, выраженную предлогом *to* («к»). Глаголы *to come* и *to go* – асимметричная пара, непосредственно соотносящаяся с пространством, которое ассоциируется с грамматическим временем. Говорящий представляет себя движущимся по воображаемой линии времени, приходящим к точке «здесь и сейчас» или удаляющимся от нее [37, с. 216, 222].

Исследование основных средств экспликации времени в английском и русском языках свидетельствует о том, что они отражают и универсальный, и национально-специфический способ восприятия действительности. Когнитивный анализ ценностных компонентов темпоральной лексики позволяет выявить аксиологические пласты в смысловой структуре как отдельных временных лексем, так и системы категорий, соотносящихся с разными аспектами идеи времени. Изучение способов выражения темпоральных смыслов и отношений – необходимое условие для междисциплинарных исследований процессов взаимодействия бытийных категорий, языка и сознания.

Список литературы

1. Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1998.
2. Бондарко А.В. Временные категории (на материале русского языка) // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 31–34.
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956.
5. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского : в 12 т. Киев, 2009. Т. 2.
6. Заварина Т.Ю. К вопросу о временной организации текста // Сборник научных трудов Московского педагогического ин-та им. М., 1986. №264. С. 93–102.
7. Звездова Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах : дис. ... д-ра филол. наук. Липецк, 1996.
8. Кимов Р. С. Об одной типологически универсальной метафониимии // Пятая международная конференция по когнитивной науке : тезисы докладов : в 2 т. Калининград, 2012. Т. 1. С. 399–400.
9. Коннова М.Н. Изменяющийся образ времени в русском и английском языках (на примере концептуальных метафор) // Вестник Московского государст-

венного лингвистического университета. М., 2009. Вып. 570. Сер. Языкознание. С. 102–114.

10. Коннова М. Н. Аксиология повседневности сквозь призму языка // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Калининград, 2010. Вып. 2. С. 99–106.

11. Крейндин Г. Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 139–151.

12. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. М., 1997.

13. Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы : письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1996.

14. Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

15. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.

16. Петрухина Е. В. Внутреннее время действия и его представление в русской и западнославянских картинах мира // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 72–74.

17. Петрухина Е. В. Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира // Концептуальный анализ языка: современные направления следования. М. ; Калуга, 2007. С. 80–94.

18. Петрухина Е. В. Модели времени в русской грамматике. URL: <http://www.portal-slovo.ru>.

19. Плуменя В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 158–169.

20. Полюжин М. М. Пространственно-временная структура в развитии фазовой семантики английских префиксов // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 181–182.

21. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1959. Т. 1.

22. Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 78–95.

23. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986.

25. Alverson H. Semantics and experience. Universal Metaphors of Time in English, Mandarin, Hindi and Sesotho. L., 1994.

26. Anstatt T. «Zeit»: Motivierungen and Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slawischen and anderen Sprachen. München, 1996.

27. Buck Ch. D. A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.

28. Cambridge international dictionary of English. Cambridge, 1998.

29. Devos F., Van Gyseghem N., Vandenberghe R. et al. Modelling vague lexical time expressions by means of fuzzy set theory // Journal of Quantitative Linguistics. 1994. Vol. 1, № 3. P. 189–194.

30. Evans V. The meaning of time: polysemy, the lexicon and conceptual structure // Journal of Linguistics. 2005. Vol. 41, № 1. P. 33–75.

31. Haspelmath M. From space to time. Temporal Adverbials in the World's Languages. München, 1997.

32. Lakoff G., Turner M. More than cool reason. Chicago ; L., 1989.

33. Mieder W. Dictionary of American proverbs. N. Y. ; Oxford, 1992.

34. Pérez Hernández L. Metaphor-based cluster models and conceptual interaction: the case of 'time' // Atlantis. 2001. Vol. 23, № 2. P. 65–81.

35. Radden G. Time is space // Human contact through language and linguistics. Frankfurt a/M, 1997. P. 147–166.

36. Rice S., Sandra D., Vanrespaille M. Prepositional semantics and the fragile link between space and time // Cultural, psychological and typological issues in cognitive linguistics. Amsterdam ; Philadelphia, 1999. P. 107 – 127.

37. Traugott E.C. Spatial expressions of tense and temporal sequencing: a contribution to the study of semantic fields // Semiotica. 1975. 15: 3. P. 207 – 230.

Об авторе

Коннова Мария Николаевна – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: maria.konnova@rambler.ru

Authors

Konnova Maria – PhD, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: maria.konnova@rambler.ru